

·the big book·

РИЧАРД АДАМС
ШАРДИК

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 28

Richard Adams
SHARDIK

Copyright © Watership Down Enterprises, 1974
All rights reserved

Перевод с английского Марии Куренной

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-17357-6

© М. В. Куренная, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Моей бывшей подопечной
АЛИСЕ ПИНТО
с любовью посвящается

Вот, я посылаю Ангела Моего...
Но кто выдержит день Его пришествия
И кто устоит, когда Он явится?
Ибо Он — как огонь расплавляющий.
Книга пророка Малахии, глава 3

Суеверие и случай суть проявления
Божьей воли.

К. Г. Юнг

**БЕКЛАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ**

НЕОБИТАЕМЫЕ ЗЕМЛИ

**ТЕРЕКЕНАЛЪТ
КАТРИЯ**

СУБА

ТЕЛЪТС

УР

Керил

Мельвда-Райн

Лакрайт

Раллур

Кендрон

река Тельтеарна

река Нордеш

река Озьмен

река Валодерра

РАВНИНА

ПАЛТЕШ

Бекла

Ведьмин перепоек

Переправа

ПРИГРАНИЧНЫЙ
ЛЕС

ЛЕС
ПУРН

водопады

р. Дагмиса

Ренда-Нарбой

Найбрил

**ВЕДЬМИНЫ
ПЕСКИ**

БЕЛИШБА

САР

Хёрл

река Фьера

От автора

После успеха «Обитателей холмов» передо мной открылось широкое поле для литературного творчества. По правде говоря, для своей следующей книги я мог выбрать абсолютно любую тему. Как-то сама собой пришла идея изобразить персонаж, подобный герою античной трагедии, который приносит обществу великое благо, но расплачивается за свои достижения жестокими личными страданиями. Я стал продумывать трагический событийный фон для моей истории, масштабный и бурный. Постепенно в воображении возникла картина огромного леса, охваченного губительным пожаром, и панического бегства лесных обитателей. Я понял, что это станет отправной точкой моей истории, и однажды ночью, когда я лежал без сна, мысленно представляя животных, убегающих от ужасного, неистового огня, мне вдруг явился образ гигантского медведя, объятый пламенем, который прыгает в реку, поскольку больше спасения искать негде.

Но как он потом выбрался из реки? Не мог же он долго оставаться в воде, еле живой. Внутренним взором я увидел, как зверь выкарабкивается на остров ниже по течению и бессильно падает в какой-то лощине, откуда у него уже не хватает сил выбраться. И вот медведь лежит там, страшно израненный, при последнем издыхании, пока его случайно не обнаруживает охотник Кельдерек.

Кельдерек человек необычный, единственный в своем роде. Хотя и будучи членом большого племени, он вырос в одиночестве и всячески сторонится участия в племенной жизни. Он ведет замкнутое существование, зарабатывает на хлеб одиноким охотничьим промыслом и достаточно искусен в своем ремесле, чтобы всегда возвращаться из

леса с добычей — убитыми животными, чьи туши и шкуры можно продать.

Здесь мои мысли потекли по другому руслу. Мне представилось общество, в котором такой охотник жил. В далеком прошлом некая религия сложилась вокруг образа жуткого гигантского медведя, внушающего одновременно страх и благоговение, и среди всего прочего религия эта говорила, что божественный медведь однажды умрет, но в неопределенном будущем непременно возродится. Детей сызмала учили молиться о Благой ночи, когда медведь вернется на землю.

В ходе одной из своих одиноких вылазок в чащу Кельдерек случайно натывается на медведя, *реального* медведя, который, весь в ранах и ожогах, лежит в ложбине на острове, куда его пригнал лесной пожар. Зверь совсем плох, явно при смерти, и внезапно Кельдерек, исполнившись благоговеющего страха и трепета, ясно понимает, что перед ним, не иначе, новое воплощение божественного медведя, Шардика. Он делает все возможное, чтобы спасти зверю жизнь, и преуспевает в своих стараниях. Медведь начинает выздоравливать, и Кельдерек неотступно следует за ним на безопасном расстоянии, когда Шардик медленно бредет через остров.

Затем воображение подсказало мне, что на острове обитает группа или племя людей, страшящихся появления медведя. У дальней оконечности острова находится поперечная отмель, своего рода брод, по которому можно перебраться на Большую землю с другой стороны реки. Медведь переходит через реку, и Кельдерек тоже, за ним следом. Такое вот начало истории я придумал, а потом остановился и дал волю своей фантазии.

В «Шардике» исследуются феномены религиозного подъема и самой веры. Затронутые в романе темы сегодня так же насущны, как и всегда: власть, политика, коррупция и природа религиозного поклонения. Сюжетные идеи не являлись сами собой, легко и просто; мне приходилось усердно их выискивать. Источниками служили мои сны,

мое воображение и огромное количество литературы, взалхлеб прочитанной. На написание романа у меня ушло почти три года — тогда я еще состоял на государственной службе и часто писал после рабочего дня и ужина, порой засиживаясь до полуночи.

«Шардика» нужно было извлечь из себя, вырыть, выкопать часть за частью, но только тяжелым трудом и творческими муками. Бывало, я целыми неделями не писал ни строчки, занятый неотложными служебными делами. Вдобавок ко всему к нашей семье тогда присоединился ребенок, находившийся под опекой суда: проблемная тринадцатилетняя девочка, которой пришлось уделять столько же внимания, как и нашим собственным детям.

Труднее всего писалось о муках Кельдерека в его одиноких блужданиях и о страшном одиночестве, одолевавшем моего героя до встречи с Мелатисой. Ибо грубая мужская сила легко поддается описанию — вот почему мы видим столько насилия в современной литературе. Однако, дабы читатель не подумал, будто я сильно напрягал воображение, измышляя зверства работоторговца Геншеда, сразу скажу, что о подобных проявлениях жестокости я знаю не только понаслышке, но и по собственному опыту. Еще сложнее писать о моментах нравственного выбора. Ведь Кельдерек долго не понимал, какие ценности следует отстаивать и к чему надо стремиться. В «Шардике» изложены мои моральные принципы, и выразить их на бумаге было ох как непросто. Но наконец настал момент, когда история завершилась и нуждалась теперь лишь в редакторской обработке. Именно тогда я принял решение посвятить свою жизнь литературе и уволился с государственной службы.

В этом издании книги история о Шардике рассказывается во второй раз. Могу только сказать, что я не счел необходимым вносить какие-либо изменения в первоначальный текст, и надеюсь, многие читатели теперь откроют для себя Шардика. Для меня он навсегда останется великим антропоморфным героем Ортельги.

Роман как жанр имеет определенные особенности. Во-первых, в любом романе должна рассказываться история с началом, серединой и концом. Во-вторых, в нем обязательно должен быть положительный герой или героиня, а также главный злодей, впрочем зло может воплощаться и не в человеке, а в некоей отвратительной ситуации, которую необходимо исправить. «Шардик» отвечает всем этим требованиям. Я считаю «Шардика» самым удачным своим произведением, потому что, согласно приведенному выше определению, это лучший из написанных мной романов.

*Ричард Адамс
2 июня 2014 г.*

ЧАСТЬ I
Ортельга

1. Огонь

Даже в сухую жару последних дней лета большой лес никогда не безмолвствовал. По земле — мягкой голой почве, хворосту и валежнику, пепельно-черным гнилым листьям — текли непрерывные потоки звуков. Как неумолчно гудит пламя костра, потрескивая свилеватыми поляньями и постреливая угольками, так при мерклом свете дня на лесной подстилке не стихали шумы и шорохи, легкие вздохи ветра, быстрое шуршание грызунов, змей, ящериц, а нет-нет да и слышалась мягкая поступь какого-то животного покрупнее. Выше, в сумеречной зелени ползучих растений и древесных ветвей, находилось иное царство, населенное мартышками и ленивцами, хищными пауками и бесчисленными птицами — существами, всю свою жизнь проводящими высоко над землей. Здесь звуки были громче и резче: щебет, внезапные квохтанья и пронзительные крики, гулкие дробные перестуки, колокольчатые трели и шелест потревоженной листвы. Еще выше, в самых верхних ярусах, где солнце озаряло поверхность леса, подобную сплошной пелене зеленых облаков, шумливый полумрак сменялся безмолвным сиянием, в котором огромные бабочки порхали среди тонких веток в полном одиночестве и ничей глаз не восхищался великолепием радужных крыльев, ничье ухо не улавливало мельчайших шорохов, ими производимых.

Обитатели лесной подстилки — словно уродливые слепые рыбы океанских глубин — населяли, того сами не ведая, низший ярус мира, простиравшегося вверх от ровного сумрака без теней к однородному ослепительному свету. Ползающие или бегающие своими укромными путями, они редко удалялись за пределы своего жизненного про-

странства и почти никогда не видели солнце или луну. Заросли колючего кустарника, лабиринт подземных ходов среди древесных корней, усыпанный валунами и камнями склон — вот, собственно, и все, что знали насельники подобных мест о земле, на которой они жили и умирали. Рожденные там, они какое-то время продолжали существование, досконально познавая каждый вершок своей территории. Время от времени кто-то из них выходил за ее границы — в погоне за добычей, в поисках корма или, реже, под воздействием некой неведомой силы извне привычного мира.

Воздух между деревьями почти не двигался. От жары он загустел так, что крылатые насекомые оцепенело сидели на листьях, под которыми таились богомолы и пауки, слишком сонные, чтобы собраться с силами и накинуться на жертву. Вдоль подножия красноватого скального выхода пробежал дикобраз, треща иглами и взрывая когтями землю. Он разворошил крохотное укрытие из веточек, и какое-то тощее круглоухое существо, лупоглазое и тонконогое, метнулось прочь по камням. Не обратив на него внимания, дикобраз уже приготовился сожрать жуков, снующих среди разметанных веток, но внезапно остановился, вскинул голову и прислушался. Пока он стоял неподвижно, похожий на мангуста бурый зверек стремительно прошмыгнул через кусты и исчез в норе. Немного поодаль сердито загомонили птицы.

В следующий миг дикобраз тоже ринулся прочь. Он почувствовал не только страх других животных, находящихся поблизости, но и нечто более существенное: сотрясение, вибрацию лесной подстилки. Где-то неподалеку по лесу шел кто-то невообразимо тяжелый, и земля гудела как барабан под грузными шагами. Вибрация почвы все усиливалась, и вскоре даже человеческое ухо сумело бы различить звуки медленного, неуклюжего движения в сумраке. По устланному сухой листвой склону скатился камень, громко затрещал подлесок, а чуть погодя на откосе за красной скалой задрожала сплошная масса ветвей и лиан. Одно молодое деревце вдруг нагнулось вперед, с резким хрустом

сломалось, повалилось на землю и еще несколько секунд мелко подпрыгивало на упругих ветках, как будто не только звук падения, но и само движение породило эхо, постепенно затухающее в пустынном полумраке.

В образовавшейся брешли, едва видной среди спутанных ползучих стеблей, густой листвы и сломанных цветов, появился наводящий ужас зверь, чудовищный даже по меркам такого дикого дремучего леса. Громадный, просто исполинских размеров: в два с половиной человеческих роста, когда поднялся на дыбы. Серповидные когти на косматых лапах — с палец толщиной, и на них болтались ключья папоротниковых листьев и ошметки коры. Разверзлась дымящаяся пасть, обнажив частокол острых белых зубов. Мохнатая морда вытянулась вперед, приплюсываясь, а налитые кровью глаза подслеповато всмотрелись в незнакомую местность внизу. Несколько долгих мгновений зверь стоял на задних лапах, тяжело дыша и утробно порыкивая, а потом неуклюже опустился на все четыре, вломился в подлесок, скрежеща по камням длинными изогнутыми когтями — они не втягивались, — и, круша кусты, двинулся вниз по склону к красной скале. Это был медведь — медведь, каких земля не видела вот уже добрую тысячу лет: сильнее носорога и весом с десяток здоровенных мужиков. Достигнув прогалины у скалы, он остановился, тревожно повертел головой, потом снова встал на дыбы и издал низкий, отрывистый рык. Медведь был испуган.

Этот могучий сокрушитель деревьев — и вдруг испуган? Чего он может бояться? Дикобраз, забившийся в неглубокую нору под скалой, с недоумением ощутил страх огромного зверя. Что заставило его пуститься в путь по незнакомому краю, через глухой лес, чужой для него? Со стороны, откуда пришел медведь, потянуло странным запахом — едким мускусным запахом страха.

Стайка желтых гиббонов, перехватывая ветки длинными руками и широко раскачиваясь, с воем и воплями пронеслась по деревьям. Потом из подлеска выскочили две виверры, пробежали рядом с медведем, даже не взглянув на него, и исчезли так же быстро, как появились. Дохнул

странный, ненатуральный ветер, шевельнув густую листву наверху откоса, и из нее с разноголосым встревоженным гомоном выпорхнули птицы — попугаи, бородатки, разноцветные зяблики, лазурные и зеленые танагры-медососы, галки и лесные зимородки. Мимо проковылял армадил, явно раненный; промчался пекари, стремительно проскользила длинная изумрудная змея. Дикобраз выбрался из норы, почти у самых медвежьих лап, и пустился наутек. Но медведь продолжал стоять на дыбах, возвышаясь над плоской скалой, и неуверенно принохиваться. Потом усилившийся ветер принес звук, источник которого, казалось, тянулся через весь лес, от края до края. Звук, похожий на шум сухого водопада или дыхание великана. Звук, порождающий запах страха.

Постепенно он усилился до рева, и количество животных, убегающих от него, стало бесчисленным. Многие совсем уже выбились из сил, но все равно тащились вперед, с раззявленной оскаленной пастью и остекленелыми, ничего не видящими глазами. Тех, кто падал, затаптывали насмерть. Из подлеска поплыли тонкие струйки зеленого дыма, а чуть погода там и сям на сизоватых листьях размером с человеческую ладонь запрыгали блики яркого света, какой никогда прежде не пронизывал лесную полумглу. Воздух раскалялся все сильнее, и вскоре ни одного живого существа — ни ящерики, ни мошки — не осталось на прогалине у скалы. А потом наконец появился гость, еще более ужасный, чем гигантский медведь. Длинный язык пламени выстрелил из-за завесы лиан, исчез, снова выстрелил и быстро замелькал туда-сюда, точно змеиное жало. Ярko запыльхали сухие зубчатые листья на кусте *зельтазла*, отбрасывая зловещее зарево на пелену дыма, что теперь заволакивал прогалину как туман. Мгновением позже огненный клинок рассек снизу доверху стену листвы на откосе, и тотчас же огонь побегал по стволу молодого дерева, поваленного медведем. В считанные секунды этот уголок леса — со всеми чертами и свойствами, делавшими его единственным и неповторимым для обоняния, осязания и зрения, — был навсегда уничтожен. Громадное мертвое дерево, последние полгода опиравшееся на другое, поменьше, рухнуло, охва-

ченное пламенем, на красную скалу, расчертив ее черными полосами на манер тигровой шкуры. В свой черед загорелась и поляна, как горел на протяжении многих лиг большой лес, чтобы принести огонь в такую даль. А когда она перестала гореть, фронт пожара уже находился от нее в миле по ветру и продолжал двигаться дальше.

2. Река

Исполинский медведь неуверенно брел через лес, часто останавливаясь, чтобы обследовать свирепым взглядом незнакомое окружение, и переходя на грузную шаркающую рысцу всякий раз, когда его опять настигал мерзкий запах горящих лиан и гул приближающегося огня. Страх и растерянность порождали в нем угрюмую злость. Со вчерашнего вечера он безостановочно шел, гонимый опасностью, но все никак не мог от нее скрыться. Еще никогда прежде ему не приходилось обращаться в бегство, и вот уже много лет ни одно живое существо не осмеливалось противостоять ему. А сейчас, с чувством сердитого стыда, он брел и брел вперед, спотыкаясь о невидимые во мраке древесные корни, томимый жаждой и готовый при первой же благоприятной возможности повернуться и вступить в схватку с этим грозно сверкающим врагом, не ведающим страха и удержу. Один раз, на дальнем краю болотца, медведь решительно остановился, введенный в заблуждение минутной заминкой в наступательном движении противника, и только чудом спасся от огня, вдруг стремительно выбежавшего с обеих сторон и едва не взявшего его в кольцо. Один раз, в приступе безумия, он и впрямь бросился вспять и яростно бил пламя, пока на опаленных подушках лап не вздулись полоски ожогов. Даже тогда он отступил не сразу, но какое-то время лишь слегка пятился и кидался из стороны в сторону, выбирая удобный момент для нападения. Потом все же развернулся и устремился прочь, мощными ударами когтей полосую стволы деревьев и с корнем вырывая кусты.

Теперь он дышал тяжело и шагал все медленнее, вывалив язык и щурясь от дыма, все гуще наползающего сзади. Зацепившись обожженной лапой об острый камень, огромный зверь упал и грузно перекатился на бок, а когда встал — принялся слепо бродить взад-вперед параллельно стене наступающего огня, задыхаясь в едком дыму. Вконец изнуренный, он потерял ориентацию и уже даже не видел, с какой стороны подступает пламя. Рядом с ним вспыхнул сухой клубок *квиановых* корней, и огненный язык лизнул переднюю лапу. В следующий миг воздух вокруг сотрясся от страшного рева, словно бы знаменующего готовность врага к смертельной схватке. Но еще страшнее и громче прозвучал бешеный рев самого медведя, наконец решившего принять бой. Мотая головой и нанося чудовищные удары по брызжущему искрами пламени, он встал на дыбы во весь свой гигантский рост и топтался взад-вперед, утрамбовывая мягкую почву, которая, казалось, даже стала проседать под непомерной тяжестью громадного тела. Длинный язык огня с треском взбежал по косматой шкуре, и мгновение спустя пламя полностью объяло зверя, продолжавшего мотать головой и раскачиваться в жутком, гротескном ритме. Охваченный болью и яростью, медведь шатко подошел к краю крутого обрыва и, качнувшись вперед, на краткий миг увидел внизу другого медведя, мерцающего, гримасничающего и протягивающего к нему огненные лапы. Потом он кинулся вперед и исчез, а секунду спустя раздался тяжелый всплеск и глухое бултыхание глубокой воды.

Подступая к обрыву, пламя слабело, опадало и угасало, и вскоре лишь отдельные участки густого кустарника продолжали гореть или тлеть там и сям. Огонь, выжегший на своем пути многие лиги сухого леса, остановился наконец на северном берегу реки Тельтеарны.

Молотя всеми четырьмя лапами в тщетных поисках опоры, медведь всплыл на поверхность и не увидел ни проблеска ослепительного света. Он находился в сумрачной тени — тени крутого обрыва и дугообразных листовенных ветвей, которые свисали с него, образуя подобие длин-

ного тоннеля вдоль кромки реки. Медведь грузно ворочался и елозил по откосу передними лапами, пытаясь выбраться из воды, но откос поднимался слишком круто, и рыхлая земля осыпалась под когтями, вдобавок бурное течение неуклонно сносило его все дальше вдоль берега. Потом в лиственном пологе над ним замерцали, запрыгали оранжевые язычки огня, добравшегося наконец до последних ветвей. В воду с шипением посыпались искры, горящие листья, тлеющие хлопья пепла. Устрашенный нападением этого жуткого дождя, медведь оттолкнулся от берега и неуклюже поплыл прочь из-под плавающих деревьев.

Солнце уже садилось и сейчас светило прямо вдоль русла, окрашивая в багровый цвет клубы дыма, медленно ползущие над ним. Обугленные стволы деревьев, тяжелые, как тараны, во множестве плыли по реке, рассекая скопления мелкого плавника, комковатого пепла и спутанных лиан, постоянно сталкиваясь с глухим стуком и треском, погружаясь и выныривая, замедляя и ускоряя движение. Медведь выгреб в этот дымный хаос и поплыл наискось по течению, изо всех сил работая лапами, с трудом удерживая голову над водой, захлебываясь и шумно отфыркиваясь. В бок ему врезалось толстенное бревно — лошади такой страшный удар раздробил бы ребра. Зверь повернулся и забросил на него передние лапы — то ли вцепился в отчаянии, то ли ударил в ярости. Бревно ушло под воду, потом перевернулось, и медведя накрыло все еще дымящейся ветвью, которая медленно опустилась на него, точно рука с растопыренными пальцами. Задние лапы в чем-то запутались, и, пока он бешено брыкался, пытаясь освободиться, речной поток подхватил бревно и унес прочь. Огромный зверь задыхался, глотая воду, пепельную пену и крутящиеся листья. Мимо проплывали мертвые животные — полосатый макати с оскаленными зубами и закрытыми глазами, терриан брюхом вверх, муравьед с длинным хвостом, мотающимся туда-сюда в струях течения. Медведь пускался вплавь со смутным намерением добраться до противоположного берега — темной полосы деревьев, едва видной над водой вдали. Но сейчас бурлящий стремительный по-

ток унес это намерение прочь, как уносил все остальное, и медведь опять, как недавно в лесу, превратился в смертельно испуганное животное, движимое единственно инстинктом выживания.

Он слабел с каждой минутой. Усталость, голод, жгучая боль ожогов, тяжесть намокшей косматой шкуры, частые удары проплывающих бревен подтачивали его силы, как непогода истачивает скалы. Сгущалась вечерняя мгла, и дымные клубы постепенно рассеивались над пустынными лигами мутной реки. Поначалу могучая спина медведя поднималась высоко над водой, и он постоянно смотрел по сторонам, не переставая загребать передними лапами. Теперь же виднелась одна только голова, резко запрокинутая, чтобы нос оставался над поверхностью. Зверь едва шевелился, влекомый течением, и уже почти ничего не видел и не осознавал. Не видел он и темной полоски суши, смутно замаячившей в сумраке впереди. Течение разделилось на два потока, помощнее и послабее, расходящиеся в разные стороны. Задние лапы медведя коснулись дна, но он даже не попытался встать. Вода так и несла его, точно покинутый командой корабль, пока на пути не выросла столбообразная скала, которую он обхватил лапами, нелепо и неуклюже, как насекомое обхватывает прутик.

Медведь долго стоял там в темноте, сам подобный скале, но наконец медленно разжал хватку, соскользнул на все четыре лапы, с шумным плеском пересек отмель и добрал до леса, где рухнул без чувств среди сухих волокнистых корней квиановых деревьев.

3. Охотник

Вытянутый остров длиной около восьми лиг разделял реку на два рукава; верхняя его оконечность пересекала среднее течение Тельтеарны, а нижняя лежала близко к невыжженному берегу, до которого не удалось добраться медведю. Здесь, у нижней, восточной оконечности, поток бурливо перекачивался через длинную и узкую попереч-

ную отмель, изрытую коварными глубокими ямами, — остатки насыпной дороги, построенной давно сгинувшими людьми в незапамятные времена. Остров опоясывали широкие полосы тростника, и в бурю ветер и волны не налетали на каменистые берега всей мощью, а незаметно ослабевали в сотрясающихся густых зарослях. На восточной оконечности, чуть поодаль от берега, над лесом поднималась скалистая гряда, тянувшаяся до середины острова, точно спинной хребет.

У подножия этой гряды, среди усыпанных зелеными цветами квианов, спал мертвым сном громадный медведь. В прибрежных тростниковых зарослях и на нижних склонах горы было не счесть животных, принесенных сюда рекой. Многие умерли, обгорев в огне или захлебнувшись в воде, но многие, особенно водоплавающие — выдры, лягушки, змеи, — выжили и уже приходили в себя и начинали искать пищу. Тысячи птиц, прилетевших на остров с горящего берега, с возбужденным гомоном сновали в кронах ночных деревьев, выбитые из привычного ритма. Несмотря на смертельную усталость и голод, ни одно животное не смыкало глаз, боясь оказаться чьей-нибудь добычей. Здесь, в незнакомой местности, никто не знал, где искать безопасное укрытие, и подобно тому, как холодная земля порождает туман, общее ощущение потерянности порождало тревожную, напряженную атмосферу — резкие испуганные крики, шорохи беспорядочной возни, внезапные птичьи вспорхи, — совершенно нехарактерную для ночной жизни леса, тихой и осторожной. Один только медведь, недвижимый, как скала в море, продолжал спать, ничего не слыша, ничего не чуя, даже не чувствуя боли там, где огонь выжиг огромные проплешины на мехе и обуглил кожу.

На рассвете подул легкий ветер, принося из-за реки запахи тлеющего лесного пожарища, простершегося на много лиг. Над скалистой грядой поднялось солнце, но лес под западным ее склоном оставался в тени. Здесь и укрывались спасшиеся от пожара животные, растерянные и смятенные, не осмеливаясь выйти на яркий свет, теперь заливающий открытые берега и сверкающий на воде.

Из-за ослепительного солнечного света и всепроникающего запаха обугленных деревьев животные не заметили приближения человека, который шел через отмель по колено в воде, пригибая голову ниже пушистых метелок тростника. Он был в холщовых штанах и кожаном жакете, сшитом грубыми стежками на плечах и по бокам. На ногах — уродливое подобие башмаков: кожаные мешки, туго перевязанные на щиколотках. На груди у него висело ожерелье из острых изогнутых клыков, на поясе болтался длинный нож и колчан со стрелами. Оснащенный лук он нацепил на шею, чтоб не намочить. В руке человек держал палку, к ней за лапы были привязаны три мертвые птицы — журавль и два фазана.

Достигнув западного мыса острова, он остановился, осторожно поднял голову и пристально всмотрелся поверх зарослей в лес. Потом медленно двинулся к берегу, раздвигая перед собой тростник с шорохом, похожим на свист серпа в высокой траве. Пара уток взлетела перед ним, но он не обратил на них внимания: стреляя в птицу на лету, недолго и стрелу потерять. Добравшись до суши, он затаился на корточках в высоких кустах болиголова.

Там он просидел два часа, неподвижно и настороженно; солнце тем временем поднялось выше и уже ползло над склоном горы. Дважды человек выстрелил, и обе стрелы попали в цель — одна в гуся, другая в *кетлана*, маленького лесного оленя. В обоих случаях он из укрытия не вышел, а оставил добычу лежать, где упала. Повсюду вокруг ощущалось тревожное возбуждение, и ветер приносил запах гари, поэтому человек почел за лучшее сидеть тихо и ждать, когда еще какое-нибудь из растерянных и испуганных животных, покинувших обжитые места, случайно приблизится на расстояние выстрела. И вот он неподвижно сидел на корточках, весь зрение и слух, как эскимос над прорубью, и шевелился лишь изредка, отгоняя мошкарку.

Завидев леопарда, человек не шелохнулся, только быстро закусил губу и крепче сжал лук. Леопард шел среди деревьев прямо на него, медленно ступая и озираясь по сторонам. Было видно, что он не просто встревожен, но также

голоден и готов к нападению, — опасный зверь, с таким одинокому охотнику лучше не встречаться. Он подошел ближе, остановился и несколько мгновений пристально смотрел прямо перед собой, потом повернулся и на мягких лапах направился к месту, где лежал кетлан с торчащей из шеи оперенной стрелой. Когда леопард вытянул голову вперед, принюхиваясь к запаху крови, человек бесшумно выбрался из укрытия и двинулся по широкой дуге вокруг него, останавливаясь за каждым деревом и проверяя, не переместился ли зверь. Он отворачивал голову на каждом тихом выдохе и переставлял ноги осторожно, стараясь не наступать на сухие ветки или россыпи камешков.

Охотник уже находился примерно в половине полета стрелы от леопарда, когда вдруг из ближних кустов трусцой выбежал кабан, наткнулся на него и с визгом метнулся обратно в тенистые заросли. Леопард встрепнулся, повел пристальным взглядом и чуть погодя тронулся в сторону, откуда раздался шум.

Охотник быстро зашагал прочь, подавляя паническое желание пуститься бегом. Оглянувшись, он увидел, что леопард перешел на легкую рысцу, и только тогда швырнул на землю палку с птицами и побежал со всей мочи, направляясь к скалистой гряде в надежде уйти от ужасного преследователя в густом подлеске на нижних склонах. У подножия скалы, где начинались заросли квиана, мужчина повернулся и вскинул лук. Он хорошо понимал, каково иметь дело с раненым леопардом, но сейчас решил, что последний отчаянный шанс спастись — это попытаться ускользнуть от погони среди кустов и ползучих растений достаточно долго, чтобы успеть всадить в зверя несколько стрел и таким образом либо обездвижить его, либо обратить в бегство. Он прицелился и отпустил тетиву, но руки у него дрожали от страха, и стрела лишь вспорола шкуру на боку леопарда, несколько мгновений болталась там, а потом выпала. Леопард оскалил клыки, с рычанием кинулся вперед, а охотник понесся вверх по склону, не разбирая пути. Под ногой у него крутанулся шаткий камень, и он кубарем скатился обратно. Резкая боль обожгла левое пле-

чо, проткнутое острым суком, а потом от страшного удара у него перешибло дыхание. Он со всего маху врезался в какую-то громадную косматую грудку и лежал пластом на земле, судорожно хватая ртом воздух, ничего не соображая от ужаса. Лук мужчина потерял при падении, а когда он с трудом поднялся на четвереньки — увидел, что вся левая рука у него в крови.

На крутом откосе, с которого он скатился, появился леопард. Охотник замер и задержал дыхание, стараясь не издавать ни звука, но из спертых легких вырвался шумный выдох, и зверь по-птичьи быстро повернул к нему голову. Прижав уши, хлеща хвостом, дикая кошка припала к земле перед прыжком. Мужчина ясно увидел изогнутые верхние клыки и на несколько долгих мгновений завис над смертью, как над головокружительной пропастью, на дне которой его жизнь разобьется вдребезги.

Внезапно он почувствовал сильный толчок, а секундой позже обнаружил, что лежит навзничь, уставившись вверх. Над ним, подобно могучему кипарису, стоял на задних лапах зверь — так близко, что явственно слышался запах косматой шкуры. Зверь столь громадный, что оглушенный охотник не сразу понял, что это вообще такое. Подобно тому как солдат, вынесенный без чувств с поля боя, ошеломленно озирается вокруг, когда приходит в сознание, и, заметив сначала кучу мусора, потом двух женщин с вязанками хвороста, потом растопленный очаг, догадывается наконец, что находится в деревне, — так же и охотник увидел сначала когтистую лапу больше своей головы, потом высоченную мохнатую стену в проплешинах глубоких, до мяса, ожогов, потом огромное клиновидное рыло, четко очерченное на фоне неба, и только тогда сообразил, что это, не иначе, какое-то животное. Леопард оставался на прежнем месте, но теперь испуганно съезжился, неотрывно глядя снизу вверх на жуткое существо, наверняка буравившее его свирепым взглядом. В следующую минуту исполинский зверь одним ударом передней лапы смахнул леопарда с откоса, и тот, кувыряясь в воздухе, отлетел далеко в сторону и с треском рухнул в квиановые заросли. С хриплым ре-

вом, поднявшим тучу птиц, косматое чудовище повернулось, чтобы напасть снова. Опускаясь на все четыре лапы, оно задело левым боком о дерево и отпрянуло прочь, рыча и скалясь от боли. Потом услышало, как леопард продирается сквозь подлесок, двинулось на шум и в два счета скрылось из виду.

Охотник медленно поднялся на ноги, держась за раненое плечо. От страха, сколь угодно сильного, порой опоминаешься мгновенно, как пробуждаешься от глубокого сна. Мужчина отыскал свой лук и вскарабкался на откос. Он точно знал, что ему ничего не пригрезилось, но ум его недоверчиво кружил вокруг несомненного факта, будто челн в водовороте. Он видел медведя. Но что это за медведь такой? Откуда здесь взялся? Находился ли уже на острове, когда он пришел сюда по отмели утром, или явился как ответ на его молитву? А может, он сам — когда в полубеспамятстве стоял на четвереньках под откосом — проделал отчаянное иллюзорное путешествие в потусторонний мир, чтобы вызвать оттуда ужасного зверя? Так или иначе, в одном сомневаться не приходилось: откуда бы он ни появился, этот громадный медведь, одним ударом подкинувший в воздух взрослого леопарда, теперь он принадлежит этому миру, облеченный плотью и кровью. И уже не сгинет с лица земли, как не сгинет вон тот воробышек на ветке.

Охотник медленно похромал обратно к реке. Убитый гусь исчез вместе со стрелой, но котлан никуда не делся. Мужчина выдернул стрелу, сунул под мышку здоровой руки и направился к тростниковым зарослям. Здесь-то его и настиг запоздалый шок. Тихо всхлипывая и дрожа всем телом, он бессильно опустился на землю и долго лежал ничком у самой воды, забыв о всякой осторожности. И постепенно — как разгорается костер, понемногу становясь все ярче и жарче, — к нему пришло понимание, что именно — кого именно — он видел недавно.

Как путешественник в какой-нибудь далекой дикой местности случайно подбирает горсть камней, рассеянно рассматривает, а потом, со все возрастающим волнением, сначала предполагает, затем все тверже укрепляется в до-

гадке и наконец исполняется уверенности, что это алмазы; или как капитан в далеких водах погибает незнакомый мыс, всецело сосредоточенный на управлении кораблем, и лишь спустя добрый час мало-помалу осознает, что он — он, и никто иной! — вышел в неисследованный, легендарный океан, доселе известный лишь по сказкам и слухам, — так же сейчас к этому охотнику постепенно пришло ошеломляющее понимание, очевидцем чего он стал сегодня. Тогда он разом успокоился, поднялся с земли и стал расхаживать взад-вперед среди деревьев на берегу. Спустя время он остановился, повернулся лицом прямо к солнцу и, воздев к небу здоровую руку, долго молился — бессловесной молитвой благоговейного молчания. А потом, все еще потрясенный, взвалил на плечо кетлана и стал пробираться через тростник. Вернувшись по отмелям к плоту, утром оставленному в зарослях поодаль от берега, он вытащил его на открытую воду и поплыл вниз по реке.

4. Верховный барон

День начинал клониться к вечеру, когда охотник — его звали Кельдерек — увидел впереди ориентир, который уже давно высматривал: огромное *зоановое* дерево, росшее неподалеку от западной оконечности острова. Длинные ветви с серебристыми с изнанки листьями, по форме похожими на папоротниковые, низко нависали над водой, образуя подобие водной беседки у берега. Тростник перед ней был вырублен, чтобы изнутри открывался хороший обзор пролива. Кельдерек не без труда направил плот к суше, взглянул на зоан и поднял весло, словно приветствуя старого друга. Ответа не последовало, но Кельдерек и не ожидал его. Подогнав плот к крепкому столбу, врытому в дно, он взялся за привязанный к нему канат и, перехватывая его руками, стал подтягиваться к берегу.

Через несколько секунд плот проскользил сквозь завесу висячих ветвей зоана. Внутри природной беседки находился короткий дощатый причал, и на нем сидел мужчина,

смотревший сквозь листву на реку. Другой мужчина чинил сети позади него. У причала стояло четыре-пять плотов. Дозорный скользнул глазами по единственному кетлану да нескольким рыбакам, лежащим у ног Кельдерака, и остановил взгляд на самом охотнике, еле живом от усталости и перепачканном в крови.

— Так-так, Кельдерек Играй-с-Детьми. Сегодня твоя добыча невелика и меньше, чем обычно. Куда ты ранен?

— В плечо, шендрон. Рука болит и не сгибается.

— У тебя ошалелый вид. Ты чем-то встревожен?

Охотник не ответил.

— Я спросил: ты встревожен?

Он помотал головой.

— Откуда рана?

Кельдерек поколебался, потом снова помотал головой и промолчал.

— По-твоему, я спрашиваю праздного интереса ради, дурень? Я должен знать все — сам знаешь. Тебя ранил человек или зверь?

— Я упал и сам поранился.

Шендрон ждал.

— За мной гнался леопард.

— Ты сейчас что, сказки детишкам рассказываешь на берегу? — раздраженно взорвался шендрон. — Я должен все время спрашивать: «Ой, а что было дальше»? Живо рассказывай, что произошло! Или тебя отправить к верховному барону, чтобы ты с *ним* объяснялся?

Кельдерек сидел с опущенной головой на краю дощатого причала и болтал палкой в темно-зеленой воде. После долгой паузы шендрон произнес:

— Кельдерек, я знаю, что ты слынешь недоумком со своими «кот-поймай-рыбку» и прочей чушью. Дурак ты на самом деле или прикидываешься, мне непонятно. Но так или иначе, ты прекрасно знаешь: каждый охотник по возвращении должен рассказать обо всем, что видел и слышал. Таков приказ Бель-ка-Тразета. Леопарда пригнал на Ортельгу пожар? Ты встретил чужаков? Что творится на западной оконечности острова? Вот что мне нужно знать.

Адамс Р.

А 28 Шардик : роман / Ричард Адамс ; пер. с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 704 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17357-6

Ричард Адамс покори́л мир своей первой книгой «Обитатели холмов». Этот роман, поначалу отвергнутый всеми крупными издательствами, полюбился миллионам читателей во всем мире, был дважды экранизирован и занял достойное место в одном ряду с «Маленьким принцем» А. Сент-Экзюпери, «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха, «Вином из одуванчиков» Р. Брэдбери и «Цветами для Элджернона» Д. Киза.

За «Обитателями холмов» последовал «Шардик» — роман поистине эпического размаха, причем сам Адамс называл эту книгу самой любимой во всем своем творчестве. Изображенный в «Шардике» мир сравнивали со Средиземьем Дж. Р. Р. Толкина и Нарнией К. С. Льюиса, и даже с гомеровской «Одиссеей». Действие начинается на острове Ортельга — дальней окраине могущественной Бекланской империи. Ортельгийцы поклоняются богу в медвежьем обличье и верят, что когда-нибудь Шардик Сила Божья вернется вызволить их из многолетнего изгнания. И вот однажды молодой охотник Келдерек по прозвищу Играй-с-Детьми находит исполинского медведя. Уверенный, что зверь этот не кто иной, как Шардик, он решает на, казалось бы, невозможное. Впереди у него — битва за империю, и трон короля-жреца, и неожиданная любовь, и мучительный поиск себя...

Перед нами разворачивается не просто панорама вымышленного мира, продуманного до мельчайших деталей, с живыми и дышащими героями, но история о поиске человеком бога, о диалоге с божественным, о вере и искуплении.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РИЧАРД АДАМС

ШАРДИК

Редактор Александр Гузман

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Светлана Федорова, Наталья Хуторная

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.09.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —

обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBB-25876-01-R